

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шаевич

По просьбам наших читателей мы продолжаем публиковать воспоминания Геннадия Шаевича «Записки из старого баула в синюю клетку». Они оживляют в памяти столько интересных, весёлых, а иногда и грустных эпизодов из жизни эмигрантов! Каждая строчка автора наполнена юмором, оптимизмом и мудростью. Да и ситуации многим очень знакомы.

Записки из старого баула в синюю клетку

Продолжение

Начало в №12-2021, №2, 3-2022

Родители

Первый полёт из Германии в отпуск с родителями через год после их переезда. Решили на Майорку – почти семнадцатая немецкая земля. Нечто вроде Болгарии в своё время для СССР. Пенсионеры волнуются и переживают как перед первым свиданием. Всё-таки за граница, а не Крым. Да ещё самолётом, а не заводским автобусом.

Долетели без приключений. Но для стариков это как полёт в космос. Они наверняка всю дорогу и Б-гу какому-нибудь молились, и уверен, перед взлётом сказали легендарное «поехали».

В гостинице комнаты отдельные, но почти рядом. Вернее, даже не комнаты, а маленькие домики на одну семью. Питание – всё включено. Каждый день новые полотенца и туалетная бумага. Море рядом: ласковое и тёплое. Хоть и не пахнет, как «своё» Чёрное.

Вещи развешаны, чемоданы спрятаны, идём обедать.

В ресторане глаза у родителей – бывших советских граждан – начинают пугливо разбегаться по сторонам, рот приоткрывается, появляются признаки лёгкой паники: десять видов мяса, пятнадцать сортов рыбы и морепродуктов, закуски, салаты и прочее. Десерт – в ассортименте небольшой кондитерской фабрики. Горы овощей и фруктов, как на блатном овощном складе для своих времён застойного социализма.

Родители уже больше четверти часа ходят вдоль рядов, не решаясь выбрать что-то конкретное. Вопросов больше, чем ответов.

– Берите всего по чуть-чуть, что не понравится – не ешьте, берите другое. За всё уплачено, – ситуация веселит, но с грустным оттенком. Где-то в глубине очень жалко этих детей войны, от их нерешительности подступает волна заботливой нежности. – Берите для начала самое вкусное, что хочется, потом добавим, – сам иду за стол с полной тарелкой.

Через десять минут мама с папой садятся за стол. На тарелке у мамы ассорти: рыба, мясо, оливки, овощи вперемешку с пирожными и арбузом. Соусы затекаю на «сладкую» сторону. У папы – полная тарелка с одной жареной картошкой и сиротливые помидор с огурцом, которые он сам нарезает в салат на отдельную тарелочку. И всё. Как дома.

К горлу подступают неожиданно слёзы. Постаревшие дети советского строя.

Диплом

Всем врачам, приехавшим из бывшего СССР, надо подтвердить диплом. Посылаешь документы в саксонскую врачебную камеру и ждёшь, пока там всё проверят. Проверяют тщательно, делают запросы в украинское министерство, посылают письма в университет – короче, всё по-взрослому. После чего каждому из нас определяют, сколько кому надо отработать ассистентом врача, чтобы сравниться с немецким уровнем. Это обязательное правило без исключений.

В основном назначают три-четыре года из пяти обязательных. Профессору из столицы и то приходится отработать ассистентом один год. Мне, учитывая операционный каталог, клиническую ординатуру и работу на кафедре, тоже определяют год. Повезло.

Через четырнадцать месяцев я сдаю экзамен на врача-специалиста. Процесс длится два часа, меня гоняют по всем разделам. Но я не боюсь, я и сам кого угодно могу по акушерству и гинекологии погонять. Только бы профессор клиники из Хемница не зверствовал. Чуть более года назад, ещё в самом начале, он мне отказал в собеседовании при устройстве на работу со словами: «Иностранец? В моей больнице? С таким немецким? Не в этой жизни».

Язык не подвёл. Экзамен я сдал.

А через пять лет на конференции главных врачей гинекологических клиник Саксонии, где мы присутствовали уже на равных, специально сел с ним рядом и вежливо поздоровался. Надеюсь, он за меня порадовался.

Наблюдение за обществом

Новый заведующий отделением пригласил всех коллег к себе домой на день рождения. Такой формат не типичен для немецких врачей, но доктор очевидно решил сэкономить: отпраздновать начало трудовой деятельности в клинике и свой день рождения в одном флаконе. Я оделся подобающе событию; на последние деньги, забранные из семейного бюджета, купил дорогой подарок и за три минуты до времени «Ч» стоял по названному адресу.

То, что я заявился первым гостем, было ещё ничего. Смutilo лишь, что хозяин очевидно не успел переодеться к приходу приглашённых и ходил по квартире в чём-то полурваном, полупижамном. Да ещё широко открыл глаза, глядя на мой подарок.

Гости стали подтягиваться с получасовым опозданием. Складывалось впечатление, что они все приехали либо прямо с приусадебного участка, либо не успели переодеться после ремонта дома. Дарились какие-то маленькие коробочки с одной конфеткой внутри, но роскошным бантом снаружи. Миниатюрная баночка с морской солью. Какие-то открытки с видом старого города и неотклеенным ценником в полмарки. Хитом стал рисунок дочери одного коллеги, приуроченный к дате. Судя по мотивам, ребёнок ещё не достиг школьного возраста. Мой рот открывался всё шире.

В квартире играла классическая музыка из вагнеровских опер, нас позвали к столу. Бутылка вина, несколько бутылок с водой и три пачки чипсов – «пир» был объявлен открытым. Через час интенсивных бесед о медицине,

мировых проблемах и ценах на акции хозяин гордо вынес главное блюдо – тарелку с кусочками дыни, обернутыми в копченую колбасу. Следом подали кофе. Дым коромыслом. Через два часа все разошлись. Довольные и напраздновавшиеся. Хорошо, что жена дома обед сделала, я хоть поел нормально.

Нравы

Старший коллега, относящийся ко мне в клинике лучше всех, предложил прогуляться после обеда в прибольничном сквере – есть разговор. Он смущается, не знает, с чего начать.

– Я понимаю, это не моё дело, но я считаю своим долгом Вам это сказать. На днях я видел Вас выходящим из магазина «Лидл». Понимаете, доктор не имеет права закупаться в этом магазине, это ниже нашего врачебного статуса. Не дай Б-г увидят коллеги или пациенты. Не хорошо. Не поступайте так больше. Не позорьте свою честь.

Я обескураженно обещаю.

Годы прошли, но в «магазин для бедных» хожу регулярно. Хотя, цены там стали...

Старшая дочь

Ребёнок вырос, закончил учёбу в гимназии и уезжает поступать в университет на юридический в славный город Лейпциг.

Закончила за три с половиной года вместо пяти. Диплом вручали в столице лично от премьер-министра Саксонии за особые достижения.

Умница. Не понятно в кого.

Жена

В театре, куда мою супругу взяли на работу, всем сотрудникам от хора до солистов выдают два бесплатных билета на генеральную репетицию каждого представления, где они участвуют. Таким образом заполняют зал своими людьми на последнюю пробу перед премьерой. Супруга приносит два пригласительных на постановку мюзикла по мотивам оперы Чайковского «Евгений Онегин». Мы идём с дочерью.

Не знаю, сколько раз переворачивались в гробах несчастные классики, но я еле высидел до конца этого мракобесия. Онегин – алкоголик и бабник с неизменной бутылкой водки в руках, Татьяна – дородная похотливая бабёнка с отсутствием такта и всякого интеллекта, Ленский больше похож на юношу с гомосексуальными наклонностями, а массовка с хором одеты в будёновки и красные шаровары. Буйная и болезненная фантазия бесталанного режиссёра.

Мда, не Рио-де-Жанейро.

Больница

Главный врач клиники Рабенштайн доктор Лободаш – талантливый врач, отличный хирург, замечательный организатор, но... отвратительный учитель. Он – максималист, поэтому делает всё сам. Операции не доверяет никому. Протестующих увольняет. Учиться его первоклассной технике можно только стоя на крючках. Я выпитываю, как губка. Мне не стыдно. Мне

вообще ничего не стыдно: ни плохонького немецкого; ни того, что я, несмотря на некоторую бывшую статустность на Украине, начинаю немецкую карьеру с самых низов; ни труднопереносимой фамилии.

В отличие от него главный врач в Аннаберге – классный хирург, но большой ленивец. Делай, что и как хочешь, лишь меня не трогай. Но если сделано плохо, готовься к публичной порке. Я делаю самостоятельно операции, о которых и не мечтал, учусь самостоятельно принимать решения и за них отвечать. Повезло.

Карьера

В больнице мне всё нравится, но хочется большего. И размаха, и денег. Если до моего первого рабочего опыта из почти сотни отправленных резюме были присланы всего четыре приглашения на собеседование и ни в одном месте не взяли, то через два года работы «немецким» врачом я пишу всего три, везде приглашают и везде берут. Я ж теперь не бывший «русский», а свой, настоящий, с опытом.

То, что такая практика недоверия ко всяким там бывшим советским абсолютно оправдана, я пойму через пару лет, когда уже сам буду принимать врачей на работу.

А теперь начинаю трудиться в одной современной городской больнице одного симпатичного городка в горной местности. Железорудные горы – свой диалект, и я в очередной раз становлюсь слепоглухонемым, не понимая ни слова. Коммуникация на нуле, надо переучиваться. Нетерпеливый главный врач ждёт моего филологического озарения не хочет и предлагает расстаться полюбовно. Я прошу дать шанс: если через три месяца не заговорю по-тарабарски – готов уйти без боя.

Заговорил. Остался. Когда спустя два года решил уходить на повышение, главный, падая на колени и заламывая руки, умолял не бросать его.

Я ушёл, но мы с ним приятельствуем до сих пор.

Амстердам

В те незапамятные времена ещё существовала практика, когда фармацевтические фирмы оплачивали врачам заграничные командировки на всякие там конференции по специальности. Пришло приглашение на симпозиум в Амстердам на три дня с оплатой проезда, проживания и питания. Демократичный главврач сам поехать не смог и предложил коллегам поездку разыграть. Я обычно невезуч в азартных играх, но тут неожиданно повезло. Полёт в бизнес-классе через Мюнхен, пятизвёздочный отель в центре, в конце забега – гала-концерт с участием Райнольда Месснера – человека-легенды, покоровшего в одиночку Эверест. По окончании поездки всем участникам дарят маленький искусственный алмаз – Амстердам всё-таки. Я интересуюсь у организаторов, откуда такая небывалая щедрость. Всё очень просто: благодарный доктор возвращается домой и назначает препарат, производимый фирмой-организатором, нескольким пациентам. И что? А ничего, просто стоимость курса лечения только одной онкологической больной превышает затраты на симпозиум в пять раз. А если пациенток несколько? Считайте сами.

Ваш доктор Шаевич

Продолжение следует